

СООБЩЕСТВО КАК ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ГРАЖДАНСКОГО ВОВЛЕЧЕНИЯ И ИСКЛЮЧЕНИЯ: РЕСУРСЫ, ИНТЕРЕСЫ, СВЯЗИ

***Аннотация.** Статья затрагивает проблему политической самоорганизации сообществ и применения механизмов вовлечения и исключения в гражданские взаимодействия. При этом особое внимание обращено на коммуникативные аспекты организованной локации как сущностный элемент сообщества. Связи и взаимозависимости, определяющие облик сообщества как динамичной системы, отражают доступную карту ресурсов локации и интенсивность интересов. Отдельно рассмотрена проблема гражданственности и полноправного членства как политической субъектности в сообществе.*

***Ключевые слова:** сообщество, политическое пространство, политическая самоорганизация, гражданственность, ресурсы, интересы.*

COMMUNITY AS A POLITICAL SPACE OF CIVIC ENGAGEMENT AND EXCLUSION: RESOURCES, INTERESTS, CONNECTIONS

***Abstract.** The article touches upon the problem of political self-organization of communities and the use of mechanisms of involvement and exclusion in civil interactions. At the same time, special attention is paid to the communicative aspects of an organized location as an essential element of the community. The connections and interdependencies that define the appearance of a community as a dynamic system reflect the available map of the location's resources and the intensity of interests. The problem of citizenship and full membership as political subjectivity in the community is also considered.*

***Keywords:** community, political space, political self-organization, citizenship, resources, interests.*

Проблемы организации сообществ, зарождения и реализации политической и административной власти в них, равно как гражданского участия в их практиках являются весьма актуальными в современных условиях. Транзитные, в том числе информационные потоки в значительной мере размывают границы традиционных сообществ в региональных и муници-

ХАБАРОВ Илья Александрович — кандидат политических наук, руководитель Тамбовского областного государственного казенного учреждения «Аппарат Общественной палаты Тамбовской области», г. Тамбов

пальных форматах. В то же время различного уровня территориальные сообщества формируются, живут и развиваются, сохраняя специфику перед лицом сегодняшних вызовов. В настоящее время России предстоит пройти новый этап реформирования организации публичного управления, в том числе на местном уровне. Полагаем, что вектор реформы и его следствия на практике отразят отмеченные тенденции, усилят координацию уровней публичного управления с учетом сущностного низового, инициативного характера муниципальных процессов.

Данная статья предлагает взгляд на сообщество как процесс, закладывающий основу и предпосылки организации политических институтов, неформальной политической архитектуры и системы публичной власти, политических режимов той или иной локации. Ее цель заключается в рассмотрении сообщества как политического пространства гражданского вовлечения и исключения в аспектах реализации и диалога ресурсов, интересов и связей. Для этого представляется полезным обратить внимание на механизмы самоорганизации сообщества посредством вовлечения и исключения, а также оценить гражданский потенциал как обстоятельство производительного совместного бытия (со-бытия) сообщества.

Данный сюжет имеет перспективное значение при дальнейшем изучении формирования органов публичного управления в локациях сообществ, в том числе, посредством выборов, а также в более широком аспекте исследования организации политической жизни и реализации предпринимательских стратегий ее акторов по развитию ресурсных баз, артикуляции и агрегации интересов.

Вовлечение и исключение как механизмы самоорганизации сообщества

Вовлечение представляет собой процесс включения акторов в сообщество с учетом ресурсных ставок и готовности действовать по установленным правилам; входной билет в форме ресурсного потенциала и импульса интереса, готовность к его реализации посредством стратегий индивидуального и коллективного развития открывают для такого субъекта дополнительные перспективы социального ресурса с последующими возможностями административного ресурса. *Вовлечение — не только ограничение загонными флажками в виде писаных и неписаных законов и правил (социальных ограничений и административных барьеров) множества вариантов и направлений деятельности (прав и свобод), но и определение этих прав и свобод как фактора гражданской состоятельности, их запуска на основе механизма полезного сопроизводства и соуправления.*

На сегодня апробированы подходы к анализу вовлечения в самых разнообразных сферах: потребителей-заказчиков интеллектуальных услуг в их

сопроизводство [1], покупателей в создание ценности продукта (co-creation-деятельность) на рынке недвижимости, формирование туристического предложения [2, с. 198–209], развитие сервиса гостиничной индустрии [3, с. 198–209] и прочее. Краеугольным камнем данной маркетинговой технологии является обращение к активному субъекту-потребителю, поворот к его потенциалам как субъекта материальных и символических акций. Последний, по факту вовлеченности в процесс сопроизводства и причастности к единой системе ценностных координат, получает дополнительные моральные бонусы [4, р. 97–108] — гражданственность, социализацию, защищенность.

Исключение целесообразно рассматривать в аспекте жизнедеятельности сообщества, а также в процессе реализации права легитимной публичной власти. В первом случае речь идет о защитных механизмах участников процессов сообщества и контрольных практиках взаимного мониторинга. Данная система работает в условиях конкуренции и оценивает акторов с позиций горизонтально-вертикальных заинтересованных коммуникаций. Результатом является отторжение представляющих минимальный интерес и опасных субъектов (при наличии возможностей влияния), мониторинг состояния ресурсных субъектов — конкурентов и партнеров с последующими практиками борьбы/взаимовыгодных соглашений.

В отношении возможностей исключения со стороны организованной публичной власти справедливо отметить узаконенное право на ограждение подведомственного административного пространства и сообщества от вредных социальных единиц (с учетом функции социальной защиты членов сообщества: в этом случае решение обуславливает баланс между интересами сообщества и интересами отдельного «асоциального» индивида), — вплоть до принудительной изоляции от общества. Очевидно, что данные контрольные функции сообщества, по сути, являют собой в чистом виде политическую акцию.

Контрпродуктивными могут быть акторы и практики как для других акторов, их ресурсов и интересов, а также ценностных установок, так и для системы производства пространства и управления. В этой части решения обусловлены позициями и ресурсными базами представителей сообщества: в аспекте сообщества — преимущественно политическими элитами; в аспекте муниципалитета — преимущественно административными элитами. И те, и другие — по Г. Беккеру [5], влиятельные группы, «наклеиватели ярлыков» — неформально-нормативных и формально-правовых нормативных.

Фиксация *включения/исключения первого уровня* определяет общую материальную и нематериальную матрицу сообщества и правила режима его функционирования, *второго уровня* — конкретные условия режима муниципалитета с соответствующими административными статусами, функциями

и полномочиями. Последние предоставляют заинтересованным акторам возможность как обороны, так и нападения, защиты и развития, в том числе посредством воздвижения административных барьеров (отгораживающих от процессов принятия и реализации управленческих решений) в самых различных функциональных локусах, а также в сфере публичного управления.

Относительно граждан муниципалитета на городском материале (с учетом специфики) в отечественных исследованиях указываются примеры их соседства с «недогорожанами», исключенными из актуальной динамики города. В ряду приводимых при этом факторов исключения выделяют: присутствие недостижимости власти как «неведомой структуры» для жителей, отсутствие дифференциации городских субтерриторий и сообществ (что тормозит солидарную заинтересованную самоорганизацию и внутригородскую мобильность), собственно, низкую резидентную мобильность («капитал аборигенности»), демобилизацию структур местного самоуправления (далее — МСУ) в производстве пространства (с передачей функций региону), архаизацию мышления жителей («от врачей — к знахарям») [6, с. 5–15], — обстоятельства субъективного и объективного свойства. Полагаем, что данные факторы получают развитие либо демобилизуются с учетом формата существующего «дома элит» в сообществе/муниципалитете.

Рассматривая идейный разлом между солидарностью и агонизмом, О.Ю. Бойцова отмечает мобилизующую силу исключения «негативной» солидарности по оси «свои-чужие», — силу, возводящую границы (с учетом фактора групповой «микросолидарности») [7, с. 60–69]. В этом контексте исключение целесообразно рассматривать, с одной стороны, с позиций организации процесса жизнедеятельности сообщества, предполагающего диалог, согласование, а также столкновение и конкуренцию интересов и позиций — акт внутренней дифференциации. С другой, — истинными чужаками, наличие которых сплачивает сообщество («не местными», «не равными»), являются субъекты, не участвующие в самом процессе сообщества с его противоречиями и обменов, ценностями и приоритетами. *Стены такого рода отгораживают цивилизационно условный город-град от периферии.*

Подобная сущностная консолидация и дифференциация не исключают проявлений негативной консолидации также по субъективным основаниям, связанным с землячеством, дружескими и родственными связями в локалитетах и острого реагирования на интервенцию интересов и капиталов из внешней среды, направление «варягов» в органы МСУ с использованием актуальных конкурсных процедур и прочее. Вместе с тем заинтересованная включенность в процесс представителей внешней среды (потoki регионального уровня, иные локалитеты, как часто бывает на отечественных примерах корреспонденции интересов городского округа и пограничных муниципальных районов 2003–2022 гг.) делает последних акторами, «с ко-

торыми можно (и нужно) иметь дело» и находить общий язык (согласовывать интересы, заключать партнерские соглашения, планировать издержки, а порой — встраиваться в стратегии).

Закономерно, что процессу заинтересованного активного со-бытия в наименьшей степени интересны акторы, значение которых даже исключительно в роли объектов управления и производства (пассивного сопроизводства и соуправления) оказывается несущественным. Они обладают минимумом ресурсов (нищие, инвалиды, престарелые, больные и пр.) и не способны в силу объективных (не могут) и субъективных (не хотят) причин на работу с ними (инвестиции, коллаборации, потребление) на предлагаемых условиях.

В связи с этим уместны примеры социального исключения (выведение за пределы сложившегося сообщества, влекущее значимые последствия), близкого к депривации и невозможности существования в сообществе без «чувства стыда» (в обстановке всеобщего осуждения нищенствования, близкой европейской традиции), которому подвержены наименее защищенные слои [8, с. 98–114]. Ресурсная немощь ограничивает свободы и права, связанные с действием и выполнением приоритетных функций, что может быть рассмотрено в качестве ключевого обстоятельства исключения [9, р. 151–166].

Определенной страховкой от крайностей исключения может служить ресурсный резерв (уровень дохода), включая, как следствие, возможности социального ресурса [10, с. 5–17]. Также очевидно, что принципиальная граница между «небогатыми акторами» сообщества и исключенными «нищими» связана с качествами восприимчивости первых и невосприимчивости вторых к импульсам ресурсов и интересов, гражданским акциям активного со-бытия.

Гражданский потенциал в контексте производительного события

Элиты, выполняя свои роли в сообществе, с позиции ряда исследователей, обязаны обеспечивать на системной основе участие граждан в выработке решений, значимых для данной локации, — как в политическом, так и хозяйственном аспекте [11]. Именно эти ресурсные акторы в самых различных функциональных коридорах со-бытия сообщества задают направление коммуникации, вовлечению и исключению. Однако, их позиции напрямую связаны с возможностями вертикальной мобилизации.

Основание гражданственности целесообразно рассматривать как включенность в процесс активного производительного совместного бытия, полезный вклад в партнерские проекты и практики сотрудничества в соответствии с функциональными коридорами, социальными сферами и полями, а также ценностными установками сообщества.

Х. Арендт на примере организации социального пространства античного полиса отмечает особое («второго порядка», «вторая жизнь») бытие граждан, связанное со способностью политической соорганизации [12]. Данное бытие («вторая жизнь») демонстрирует гражданственность полноправных акторов политических процессов и соуправления как заметных субъектов хозяйственных и иных отношений сопроизводства («первая жизнь»).

Активность члена сообщества как субъекта «второй», управленческой жизни, вследствие самореализации в жизни «первой», можно считать платформой описываемого Т.И. Макогоном [13, с. 104–113] ответственного участия в хозяйственной жизни локалитета, предоставлении услуг, организации благоустройства, а в целом — развитии муниципального образования. Эта же управленческая жизнь имеет наиболее очевидные гражданские коннотации в отношении участия представителей сообщества в формировании органов МСУ и корпуса административных элит.

С учетом того, что данный процесс предполагает также участие в работе партийных и общественных организаций, неформальных ассоциаций, вовлеченность в процессы соответствующей самоорганизации также логично расценивать как условие *гражданской и политической субъектности* в сообществе. При этом необходимо принимать во внимание различную степень заинтересованности (заряд импульса) представителей сообщества в данном участии.

Реализация интересов как политический акт связана с резервуарами ресурсов (доступных или искомых). В модели Дж. Локка принципиальное значение отводится собственности [14, с. 347–354.], а ее охранение приобретает черты доминанты самоорганизации, — не только в формате государственного управления, но и саморегулирующегося общества. Неслучайно, что собственность может быть и сегодня рассмотрена как важнейшее обстоятельство кристаллизации гражданского общества с учетом существующих в этой части рисков [15, с. 100–117].

Имея изначальную привязку к конкретной локации, собственность знаменует присутствие ее держателя в политическом и хозяйственном пространстве сообщества, административных пределах муниципалитета. Х. Арендт в связи с этим указывала на сущностную «предусмотренность» таких акторов в модели мира, в том числе — в политическом его аспекте, соответственно, «непредусмотренность» («неприкаянность») влекла за собой препятствия для актора в апелляции к обществу и публичной власти в целях, например, поиска защиты [12]. «Предусмотренность» иллюстрирует участие в активном (производительном) совместном бытии («со-бытии»: со-организации, со-производстве, со-управлении).

Думается, что сложившийся порядок обеспечивается охранительной функцией сообщества как результата и процесса самоорганизации участ-

ников заинтересованных коммуникаций (*фактическая гражданственность* с неформальными нормативными механизмами контроля) с последующим закреплением в формате организации публичной власти (*формально-правовая гражданственность* с нормативными легитимными механизмами публичного контроля и надзора). С учетом объективной разницы в объемах ресурсов (свобод, прав действия), возможности развития ресурсных платформ (иными словами — наращивания благосостояния и влияния), солидарное вертикальное партнерство влечет полноценное *фактическое гражданство* и полноценное *перспективное гражданство*, носителями которых являются, соответственно, элиты и иные участники активного события, исходящие из приоритетов развития.

Отношения акторов, наделенных собственностью, предполагают на общей ценностной платформе распространение ритуалов и устоявшихся практик, включая упоминаемые Д. Юмом взаимное «обуздание/снисходительность» в условиях перманентной возможности пересмотра прав собственности (агрессия, истечение времени, наследование и пр.) [16, с. 520–560]. Перманентная опасность пересмотра и перераспределения, с одной стороны, стремление к стабилизации (включая потенциал административных практик и организации легитимной публичной власти), с другой — она обеспечивает динамику сообщества, подвижную коммуникацию, обмен и конкуренцию *граждан как собственников, располагающих правом голоса в сообществе и правом на муниципалитет*.

Это значит, триаду сообщества (жители, территория, институты) В.С. Вахштайна [17] необходимо рассматривать в динамическом единстве; в данном аспекте «бродяги» демонстрируют не только отсутствие связи с территориальной локацией, но и институтами, в том числе, как мы считаем, публичными и неформальными ассоциациями жителей.

Таким образом, магнитное поле динамики сообщества и стены муниципалитета отгораживают граждан и жителей от чужаков, «не местных» — от «бродяг» (они же — «неимущие» и «чернь»), упоминаемых Х. Арендт [18; 12], и «зачумленных» (М. Фуко), депортированных за стены города [19]. «Неграждане» в определенном смысле — не только нерукопожатные и не благонадежные, но и лица, объявленные *вне закона и, что еще важнее, — вне правил, то есть не только вне публичных процедур, но и неформальных практик; вне правовых установок и ценностных приоритетов*.

Собственность демонстрирует безапелляционные возможности заинтересованного вовлечения акторов в процессы сообщества. В данном аспекте, как и в целом относительно управления ресурсными потоками, следует учитывать горизонтальную (элита — элита) и вертикальную («элита»/«граждане» — «жители»/«граждане») коммуникацию, — заинтересованное участие с учетом разности объемов ресурсов. Неслучайно А. Токвиль ставит знак тождества

между коллективным актором сообщества и важнейшими ресурсами, наполняющими географию муниципалитета: «Семья — это земля, которой она владеет, земля — это семья» [20, с. 57–58], а Ж.-Ж. Руссо с отношениями собственности связывает, с одной стороны, сам факт возникновения гражданского общества, с другой — со ссылками на традицию Дж. Локка, — истоки конфликтных столкновений (читаем — проявления динамики) в нем [21]. Гражданственность, в данном смысле, отражает причастность к единым ценностным установкам и правилам игры, в другом — допускает и предопределяет конкурентные отношения. Вопрос заключается в *легитимации данных установок и правил игры* в указанной горизонтально-вертикальной коммуникативной проекции.

Так, доводы М. Ротбарда способствуют максимальному расширению круга ответственных участников сообщества: каждый человек является собственником, располагающим, по меньшей мере, своим телом (посягательство на него, а также свободу им распоряжаться, — краеугольные камни уголовной системы) [22] — минимальным стартовым ресурсом, знаменующим причастность гражданской когорте инвесторов. Даже самая незначительная собственность, согласно данному подходу, стимулирует процессы ее содержания, поддержания и защиты, зарождает гражданское (политическое) действие.

Нищий субъект может использовать этот единственный ресурс для труда (осуществляя свой посильный вклад в сопроизводство в ходе обеспечения возможности физического существования) и его продажи нанимателям. В то же время данный ресурс позволяет радикально употребить физическую силу, реализуя отмечаемую Х. Арендт «способность убивать» как проявление импульсов самосохранения, стремления к прибыли и власти над другими; то есть, в определенном смысле (вне нравственных категорий), стать на одну ступень с элитой [18, с. 13–38], — за неимением других в вопросе прекращения физического существования реализуется принцип равенства (его видимость). Таким образом, даже эта естественная (и для определенных категорий граждан — единственная) форма ресурса требует поддержания и развития, обладает теоретической и прикладной силой, подталкивающей как к негативному, так и к позитивному действию (участию) в общей социальной механике.

Фактическая полезность и легитимное признание гражданина дает «право причастности» (в функциональном разрезе) и «право на муниципалитет» (политическое) с соответствующим распределением ответственности («отцы города»). Последнее стимулирует получение права *на действие «от имени муниципалитета и «по поручению» его сообщества* (административное право). Гражданственность символизирует ту или иную форму участия (полезности) в общем деле (благе) — хозяйственном или политико-административном,

функциональной и кроссфункциональной организации, равно как право управлять им.

Способность к инвестициям как важнейшее качество проявления свободы распоряжения собственностью (ресурсами) означает способность к динамике и востребованность (в зависимости от объемов) в финансово-экономических и политико-административных механизмах. Ее формируют взаимосвязанные и последовательные индивидуальная и коллективная предпринимательские стратегии развития, реализуемые без прямой зависимости от объемов наличных ресурсов, но с учетом их. Пределы и возможности их применений определяют границы ценностного и поведенческого конструкта («мира», «града»), без которого система теряет динамизм.

С одной стороны, ресурс и интерес требуют реализации (талант художника и монета банкира, физическая сила спортсмена/воина и интеллект ученого, дар провидца и внешняя красота модницы); с другой стороны, необходима сущностная восприимчивость актора к данным импульсам. К примеру, обладатель существенных стартовых физических, культурных или финансовых ресурсов может быть нацелен на их невозполнимое использование, но держатель крайне ограниченных ресурсов жизненной стратегией может определить их системное поступательное наращивание с притяжением ресурсов иных видов. Обладатели таких качеств, распоряжаясь минимальными материальными ресурсами посредством авантюрных проектов (вплоть до деяний за гранью традиционных моральных предписаний и легитимных нормативно-правовых ограничений), создают состояния и достигают статусов; лишенные таковых качеств транжиры создают состояния и лишаются родовых имений.

В комплексе большие резервуары ресурсов определяют локацию сообщества и масштабы ее динамики, стимулируют большую интенсивность реализации интересов в сочетании с данной стратегией роста/развития как модели поведения. Она олицетворяет включенность в сообщество как гражданскую политическую акцию, во многом отражает ценностное единство сообщества.

Большие объемы ресурсов и активность («восприимчивость» ресурсная и гражданская) в реализации интересов очерчивают круг акторов, направляющих наиболее действенные собственные (и иные — посредством коллаборации) инициативы на запуск динамики активного совместного бытия сообщества в качестве наиболее аффилированных с ним субъектов. Гражданство совместного бытия предоставляет право на сообщество и право на муниципалитет (город, полис и пр.), демонстрирует полезность (экономическую, политическую, культурную и др.) группе, сообществу и режиму его функционирования, муниципалитету.

Таким образом, гражданство символизирует принадлежность к сообществу, поведенческой модели («развития»), муниципальному образованию.

Оно объединяет элиты («дом элит») и свободных граждан («включенных»: вовлеченных в практики, полезных, заинтересованных и мобилизованных), оставляя за чертой отчуждения бесполезных для воспроизводства и вредных для самоуправления «бродяг» («исключенных»). Гражданственность обеспечивает продуктивную и деятельную солидарность сообщества как условие его существования (динамики) с учетом разности объемов доступных акторам ресурсов в оппозиции «не гражданам».

Холодная гражданская механистичность сообщества сглаживается не только солидарностью действия, но и ценностной основой, резервами социального ресурса, тесным «теплым» пространством конструируемой локации с плотными социальными сетями, традициями родственных, земляческих, дружеских неформальных привязанностей, укрепляющих деловые связи.

Заключение

Коммуникативное политическое пространство сообщества (дискурс) формируется потоками (воронками) интересов и их диалогом (обменом) на трех этажах сообщества: функциональном (по сферам жизни и профессиональным локусам), кроссфункциональном (связи между функциональными сферами), надфункциональном (легитимная публичная власть).

Вовлечение и исключение есть обеспечение мобилизации (удержания) или демобилизации гражданина (актора, субъекта) в магнитном поле, создаваемом динамикой совместного заинтересованного/мобилизованного бытия, то есть производительного (и в отношении пространства) сосуществования. Интенсивность вовлечения в сообщество по тем или иным функциональным (кроссфункциональным) трекам зависит от объема доступных ресурсов и интенсивности интереса субъекта данного процесса.

Утрата порядка (системности) пространства, обоснований и стимулов действия, смыслов и мотивов есть утрата социальных горизонтальных и вертикальных связей, разрушение «карточного домика» реальности локации. В связи с этим сильны гражданственные коннотации существования акторов и сообществ в данном пространстве.

Сообщество как коммуникативная динамическая политическая система определяется диспозицией фактических ресурсов, соответствующих интересов связей их носителей, — полноправных граждан сообщества, обладающих политической субъектностью.

Производство самоорганизующегося сообщества, системы отношений, связей и оппозиций имеет выражение в нематериальной плоскости организации символического пространства, воспроизводящего коммуникационные законы и правила сообщества, а также в материальном пространстве конкретного муниципального образования.

Список литературы

1. Чичканов Н.Ю., Белоусова В.Ю. Сопроизводство и использование интеллектуальных услуг: взгляд заказчиков [Электронный ресурс] URL: <https://www.hse.ru/monitoring/intel/news/225327990.html> (дата обращения: 15.01.2022).
2. Вахрина Т.А., Сажина А.И. Маркетинг совместного творчества: теоретические аспекты и особенности применения концепции на рынке жилой недвижимости // Маркетинговые коммуникации. 2016. № 4.
3. Корелина А.С., Ойнер О.К. О вовлечении потребителей в совместное создание ценности с компанией в гостиничной индустрии: контент-анализ отзывов на туристическом сайте tripadvisor. Com // Изв. Санкт-Петерб. гос. эконом. ун-та. 2015. № 6 (96).
4. Etgar M. (2008). «A descriptive model of the consumer co-production process». *Journal of the Academy of Marketing Science*, Vol. 36.
5. Becker H. *Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance*. New York: The Free Press, 1963.
6. Иванов П.В. Городские жители и производство пространства (на примере российских городов) // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2016. Т. 8. № 11.
7. Бойцова О.Ю. К вопросу о «негативной солидарности» как концепте политической философии // Вестник Московского ун-та. Сер. 7. Философия. 2018. № 4.
8. Дмитриева А.В. Социальное включение/исключение как принцип структуры современного общества // Социологический журнал. 2012. № 2.
9. Sen A. Human rights and capabilities // *Journal of Human Development*. 2005. Vol. 6, № 2.
10. Тихонова Н.Е. Социальная эксклюзия в российском обществе // *Общественные науки и современность*. 2002. № 4.
11. Totikidis V., Armstrong A., Francis R. (28–30 Nov 2005). «The concept of community governance: a preliminary review». *GovNetConference* [Электронный ресурс] URL: https://www.researchgate.net/publication/37376941_The_concept_of_community_governance_a_preliminary_review (дата обращения: 15.01.2022).
12. Арендт Х. «Vita activa, или О деятельной жизни» [Электронный ресурс] URL: <http://www.fedy-diary.ru/html/012013/02012013-04a.html> (дата обращения: 15.01.2022).
13. Макогон Т.И. К вопросу об анализе местных сообществ с точки зрения теории систем и топологии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 2.
14. Локк Дж. Два трактата о правлении / пер. с англ. Е.С. Лагутина и Ю.В. Семенова. М.; Челябинск: Социум, 2014. 494 с.
15. Пшизова С.Н. От «гражданского общества» к «сообществу потребителей»: политический консьюмеризм в сравнительной перспективе // *Полис. Политические исследования*. 2009. № 1.
16. Юм Д. Трактат о человеческой природе // Он же. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1996. Т. 1.

17. Вахштайн В.С. Формула сообщества [Электронный ресурс] URL: <http://socoftpower.ranepa.ru/ru/novosti/388-v-s-vakhshajtjn-formula-soobshchestva> (дата обращения: 15.01.2022).
18. Арендт Х. Об империализме // Арендт Х. Скрытая традиция. Эссе. М.: Текст, 2008.
19. Фуко М. Ненормальные. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974–1975 учебном году / Пер. с фр. А.В. Шестакова. СПб: Наука, 432 с.
20. Токвиль А. Демократия в Америке / Пер. с фр. В.П. Олейника, Е.П. Орловой, И.А. Малаховой, И.Э. Иванян, Б.Н. Ворожцова; Предисл. Г. Дж. Ласки; Комм. В.Т. Олейника. М.: Прогресс, 1992. 554 с., 16 с. илл.
21. Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о начале и основании неравенства между людьми [Электронный ресурс] URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14983787/ (дата обращения: 15.01.2022).
22. Ротбард М. К новой свободе: Либертарианский манифест / Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2009. 398 с.